

ПРАВДОХА И «МОДЕРН»

Георгий
РАДОВ

Чертоскубица.

«Пере»... Цепочка

Перечел все, что написано о «Звездном билете», и подумал: ну как не позавидовать молодому писателю! Больше десятка — и начинающих, и уже «остепененных» — критиков изучали его книгу, и вот В. Аксенов сидит над грудой статей и похищает плоды их соединенных усилий.

Плоды такие. По свидетельству критиков, автор: а) написал «живой, оригинальный роман»; б) написал «неудачный роман»; в) ему «удалось подметить некоторые черты, свойственные современной советской молодежи в целом»; г) «в романе совершенно утрачена конкретность нашей жизни»; д) «блестящий светлыми красками роман проникнут поэтической верой в советское юношество»; е) «муторно и беспросветно водит своих героев по бесконечным лабиринтам».

Это об однай и той же книжке.

Ну, а герой В. Аксенова?

Сни, по свидетельству той же критики: а) «нигилисты»; б) «хорошие парни»; в) «стиляги»; г) «чистые души»; д) «шалопаи»; е) им присуще «благородство юности»; ж) «какое хамелеонство!»; з) «довольно разносторонние по своим интересам и способностям ребята»; и) «скептики», «хлюпики», «фрондеры»...

О, многострадальная критика! Каким же крепким орешком оказался для тебя этот «Звездный билет». А ведь не «Братья Карамазовы», совсем не «братья». Весьма нехитрое сочинение. Все обнажено. И недостатки так явственны, что их за тыщу километров видят. А вот поди ж ты...

Споры! Расхождения! Да такие, как будто критики читали две разные книги. И не насчет там языка, стиля или композиции, а расхождения в основном, в оценке идейной устремленности книги, общественного лица героя. С чего бы это?

— Все у вас начинается с «пере», — говорил мне знакомый кубанец, Павел Трофимович. — С «пере», говорю, начинается, понял, чёт? Один

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
2 16 ноября 1961 г. № 136

Перечел все, что написано о «Звездном билете», и подумал: ну как не позавидовать молодому

Полемические заметки

перехвалит книжку, а другой кинется его поправлять, да как распалится, как расходитя — живого места от книжки не оставит. А третий застулся, но опять-таки раскипялся и бух в перехвал! А четвертый, тот уже и про книжку забудет, за этих троих возьмется, их начнет сечь. По-ошла чертоскубица!

Ну, ей-богу же, Павел Трофимович как в воду глядел! Все началось с «пере». Юрий Бондарев в «Литературной газете» явно перехвалил роман, и хотя исходил он из намерений добрых, не хотел, по-видимому, травмировать молодого писателя, но добился, как говорят, «совершенно обратного результата»: вызвал огонь на книжку. На перехлест хвалебный немедленно ответили залпом перехлестов критических, и.. «по-ошла чертоскубица!» А поскольку спор шел на сплошных «пере» в ту и другую сторону, то в конце концов критики ушли от объективной ценности книги, и предметом их схваток стало нечто другое — гирид, возникший от скрещивания перехлестов. И хотя, по моему убеждению, критики романа были куда ближе к истине, чем его защитники, но сколько же в этих «вытаптывающих» роман статьях перебора! Сколько недорожелательства, злости, грубости! Мало оказалось «Звездного билета», так один раздраженный критик взял под сомнение и успех «Коллег» — первой и несомненно удачной, светлой книги Аксеннова...

Уже одно обилие этих «пере» вызывало острое желание поспорить и с защитниками романа, и с критиками. Но тут знакомый москвич, инженер Иван Владимирович помог взглянуть на книжку Аксенова «с другой стороны».

Разговорились о вкусах его сына, десятиклассника, и Иван Владимирович сознался:

— А ты знаешь, я от него спрятал «Звездный билет»...

— Ты шутишь...

— Какие шутки! Литература должна воспитывать или нет? А этот би-

лет, он куда заведет моего парня? В «Арагви»?

— Ну нельзя так буквально, Иван Владимирович. Литература — не устав караульной службы.

— Знаю, что не устав. Но мы-то с тобой на чем росли? На Корчагине?

— Росли-то на нем. Но были же и при нас «Звездные билеты».

— Помню. Но был же и «Разгром»! Был и Корчагин! А тут я выписал Вильке «Юность», читаю... Одна повесть про неустроенных, другая про растроенных, третья про заблудившихся, четвертая про таких, что все не по ним: школа не по ним, родители не по ним, комсомол не по ним, лозунги наши не по ним, работа не по ним. И про них книжка за книжкой... Цепочка! Только про них. Скажи, пожалуйста, нашли топор под лавкой! Океан молодежи, а они облюбовали один заливчик и бултыхаются...

Я понимал, что Иван Владимирович в отцовской своей запальчивости тоже, что называется, «пере»... Но цепочка! А ведь и впрямь, подумалось, — она уже образовалась, эта «цепочка» книг одного направления, об одной группе молодежи. И, может, об этом подумалось бы не столь определенно, не появясь в этой «цепочке» еще одно звено, самое свежее и притомное: сценарий В. Розова

«А, Б, В, Г, Д...», напечатанный, как и «Звездный билет», в журнале «Юность».

Холден Колфилд

и Володя Федоров

У Розова все доведено до «точки кипения». У других авторов мы видели просто расстроенных молодых людей — розовский Володя рассержен до исступления. Ничто не мило! Ничто не дорого! Муторно! Быть физиком? Противно! Работать? Противно. Красивый пейзаж встретился по дороге?

«От этой лирики с тоски удавиться захочется». Нет истин. «Любви нет, есть размножение». Все авторитеты относительны. Нет ничего. Есть он и мир, в котором «от всех людей... тоской веет, скучкой», мир настолько отвратительный, что герой не прочь бы «возвратить весь земной шар к чертовой ма-

тери! Уничтожить всех разом! Пусть начнется все с начала, с одноклеточных... Может быть, тем, другим, повезет? А?»

И это в семнадцать лет...

— Ничего тебе не нравится. Все школы не нравятся, все на свете тебе не нравится... Назови хоть что-нибудь одно, что ты любишь!.. Не можешь ничего назвать — ничего!

Володя Федоров и впрямь не может назвать, что ему нравится в этом мире. Но я привел цитату совсем из другой книги. «Все на свете тебе не нравится», — это говорят не Володя Федорову, а Холдену Колфилду, герою романа Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи»... Но там, у Сэлинджера, все оправдано! Такой мир окружает американского мальчишку, такие нравы кругом, такие люди, такие будни, праздники, идеалы и перспективы, что, ей-же-ей, понимаешь бунт, устроенный им, кстати, вполне в духе этого общества.

Ну, а кто рассердил московского мальчишку? Кто довел его до такого исступления?

В. Розов адреса не дает. Кто рассердил, что рассердил — неизвестно. Володя врываются в сценарий уже «готовенький», кипящий, и ни герой, ни автор ни разу не оглядывается назад — мы так-таки ничего и не узнаем ни о людях, ни о событиях, ни о явлениях, которые в наши дни полностью вывели из равновесия выпускника московской десятилетки.

Хотя о явлениях, кажется, можно догадаться по такому диалогу:

Володя. Мечты, дядя, самые прекрасные! Ну, например, истребить на земле всех самодовольных тупиц, жуликов, карьеристов, приспособленцев, подхалимов, двойных душонок...

Дядя. Дело, брат, хорошее, но не легкое...

Володя. А мне иногда кажется: просто невозможно! Вот я и думаю...» (далее излагается проект взрыва «всего» земного шара).

Итак, истребить. Как будто не новый мотив для розовской воинствующей драматургии. И молодые герои его пьес, и они выходили на жизненную дорогу с непротарченным запасом яросты против мещанства. И если встречались с ним — воевали. Пусть порой неумело, по-детски, саблей круша ни в чем не повинную мебель, но воевали...

Володя Федоров не таков. Не воюет и не собирается воевать. Постиг,

что пороки мира неодолимы, и... бежит. Бежит в самом прямом смысле этого слова. Сперва от родителей — в Сибирь, к дяде. Оттуда — обратно в Москву. По шпалам! «Грязный, взлохмаченный, с остервенелым от злобы и унижения лицом, он бессмысленно бежит за набирающим ход поездом...»

Надо отдать справедливость: автор пытается остановить бегущего. Сталкивает его то с целинниками, то с циником-командиром, то с жуликом-железнодорожником, то с контуженным фронтовиком, то со старичком-стяжателем. Сталкивает, вероятно, затем, чтобы пробудить парнишку к действию, направить его «тотальный» гнев по точному адресу, а его желание «встать на всеобщую щебенку» — на «конкретную» щебенку. Но тщетно. Герой бежит...

Автор идет на крайние меры. Во имя прозрения Володи Федорова он убивает славного юношу верхолаза Володю Пальчикова (любопытное совпадение: и В. Аксенов в «Звездном билете» совершенно неспровоцированно убивает Виктора во имя окончательного прозрения младшего брата). Но и смерть Пальчикова не помогает. Герой, лишь на мгновение задумавшийся, продолжает бег... Тогда драматург крупозным воспоминанием легких валил с ног спутнику Володи, Симу, милейшее преданнейшее существо, которое оказывается совсем не двоюродной сестрой, а «чужой» девушки, и к тому же любящей. Сима при смерти, без сознания, и лишь тогда...

Лишь тогда герой, наконец, раскрывается... Правда, мы узнаем из его письма к Симе, что «по-моему, перевоспитываться надо не мне, а другим». Но тут же обнаруживается, что это лишь поза, что герой — вот же в чем дело-то! — негласно перевоспитался, осваивая профессию горноводя, «и если выпуск пройдет удачно, то все скажут, что я забочусь об увеличении выплавки чугуна для страны, а на самом деле я просто устрою все это в твою честь»... И еще «самое главное — я, кажется, хочу учиться... Я буду здорово учиться, вот увидишь! Ты просто ахнешь... как я буду учиться! Мир должен быть лучше, чем он есть... И мы постараемся...»

Это письмо — заключительный аккорд сценария. Дальше идут сцены, о которых, честное слово, не хочется говорить, так не по-розовски, так торопливо они написаны. Сцены, ставшие до назойливости обязательными в произ-

ведении подобного рода. Герой с яростью принимается за работу. С блеском, поражая всех, в молниеносный срок он осваивает профессию горноводя, горноводя! — и...

«Володя (голосом твердым, но с волнением). Открыть летку! Пробивают летку».

Финал этот так поспешен, так не оправдан всем ходом событий, так художественно неубедителен, что... Впрочем, как бы он ни был написан, этот финал, он не решает ни одного из вопросов, с такой многозначительностью поставленных автором.

Я несколько раз перечитал сценарий В. Розова, стараясь до сутки понять, зачем, во имя чего это написано? Что хотел сказать мне, читателю, автор?

Может, он хотел мне сказать, что рядом с миллионами, так сказать, «нормальных» молодых людей существуют и такие, как Володя Федоров? Ну что ж, согласимся, есть и такие. Но ведь Розов говорит нам не это. Сам того не желая, он всем ходом повествования подводит меня, читателя, к мысли: именно та часть молодежи, которую представляет Володя Федоров, — именно она наиболее интересна и перспективна. Именно она, — несмотря на ее завихрения, фронтовство, цинизм, развязность, но с ее смелостью суждений, остроумием, талантливостью в будущем не просто «честными производственниками», как пренебрежительно писал Е. Евтушенко, а слизками общества...

Ведь посмотрите, посмотрите-ка, кого ставит Розов рядом со своим героям! И в какое окружение ставит В. Аксенов своих мальчиков!

Нет, я не говорю о мерзвацах, пошляках, жуликах и мещанах, которые разгуливают и по розовскому сценарию, и по аксеновскому роману. Я имею в виду людей «положительных», «правильных».

Господи, до чего же они скучны, примитивны и одноклеточны, эти «правильные», и у Розова, и у Аксенова! Смотрите, на каком фоне раскрывается нам розовский Володя. Родители?

«Володя. Потери. Вероятно, со временем обломаюсь... Мать. Мы не хотим, чтобы ты «обломывался».

Володя. Все так...

Мать. Ты намекаешь на нас? Но учи: мы росли в более сложное время. Тебе легче».

Значит, родители «обломались»? Мы не знаем, что именно стоит за этим словом, но видим людей слабых, жалких, и, конечно же, Володя с его остроумием рядом с ними «молодец». И такой же он молодец рядом с дядей, заслуженным партизанским командиром. При первом свидании с племянником этот дядя сообщает:

«Дядя... Отец и мать в письме пишут, чтоб мы из тебя человека сделали.

Володя (опешился). Они это написали?

Дядя. Да... И мы постараемся...

Ведь вот же какая стоеческая дубина этот заслуженный дядя — ни на грох такта!

А молодежь, окружившая Володю в дядином доме? «Хулиган! Стиляга! Судить такого! Подонок!.. Гений непризнанный! Мы его переработаем» — вот ведь как на шестой минуте знакомства разговаривает с тонким и остроязычным Володей эта неотесанная провинциальная молодежь. А встречные и поперечные? Даже Пальчиков, добрый широкодушный храбрец Пальчиков с его наивной мечтой об Африке, — ведь и он до того наивен и простоват, что куда ему состязаться с Володей! И не мудрено, что во всех, ну буквально во всех спорах и с молодыми, и с взрослыми, в спорах, где лоб в лоб сталкиваются мнения, он неизменно одерживает победы. Как говорится, «молодец против овец...»

И так же в «Звездном билете». Мальчики встречаются и с хорошими моряками, и со смелыми рыбаками, и с дельным председателем колхоза, — но во всем романе не находится ни одного человека, который бы по интеллекту превзошел мальчиков или стал с ними вровень.

Нет, я, конечно, не думаю, что все это сделано намеренно. И, приводя цитату из Сэлинджера, вовсе не собираясь упрекать Розова за то, что он «переселился» из журнала «Литературность», как писали об Аксенове в журнале «Октябрь».

И в сценарии, и в романе весьма заметны белые нитки, и по ним-то угадываешь, что авторы шли к светлой цели. Не зря же на пути розовского Володи появилась доменная печь, а на пути аксеновских мальчишек возник сейнер коммунистического труда. Все было продумано! Но если б в искусстве все зависело от замысла...

Как написаны заблудившиеся маль-

чики? Они же вкусно написаны! Замечаешь тут и предметнейшее знание жизни, и достоверность, и авторскую симпатию. А как написано окружение? Что такое розовский завод? Это же чисто литературный завод, завод вообще, который создан с той крайней приблизительностью, которая никогда не дарила художественных открытий. А аксеновский сейнер? И это же чисто литературный сейнер! Ни в описании заводских людей, ни в описании рыбаков мы не обнаруживаем ни малейшего знания жизни и, будем говорить прямо, не обнаруживаем и симпатии авторов к этим людям. И сколь бы ни были хороши замыслы Розова и Аксенова, но — так уж бывает в искусстве: есть любовь, есть симпатия, и мальчишки вышли и полнокровными, и яркими, и обаятельными, а не хватает знаний, любви, симпатии — и «правильные» молодые люди вышли серыми, неинтересными, начисто лишенными обаяния. А в итоге? Искажена правда действительности! Ребята, которые в жизни — рядом с настоящими умными и интересными юношами и девушками — выглядят смешными и жалкими, в сценарии и в романе оказались самыми интересными и блестательными представителями современной молодежи, своего рода выразителями дум поколения...

Но кто они, эти выразители?

Володя из сценария Розова «одет вполне эле-

хлорвиниловые сумки: гантно, и на него смотрят редкие прохожие, даже высываются из окон любопытные». В «Звездном билете» «внимание стационарных служащих, местных жителей и железнодорожной милиции было привлечено весьма экстравагантной группой молодых людей». Не правда ли, «шик-модерн»? И танцуют молодые люди, или, как они сами говорят, «кидают танчики», именно так, как танцуют на московских «танцилацах» в начале шестидесятых годов. И говорят именно на том жаргоне, который бытует в наши дни. Гимназисты в «Как закалялась сталь» и Яков Узелков в нилинской «Жестокости» пользовались совсем другими словечками. И вот он, как выразился один молодой критик, «обобщенный в одной детали образ времени»: Димка «выходит из булочной с батоном в хлорвиниловой сумке».

Модерн, во всем модерн! И не во имя ли этого «модерна» В. Аксенов

вывез своих героев не на светлые плесы Оки, а на курортный пляж, поближе к «современным» кафе, коктейлям, покеру, липси... Но, видно, и сами авторы понимают, что ни оперением, ни танцами, ни жаргоном не определяется современность героев. Каждая эпоха ходит со своими сумками, и это еще решительно ничего не говорит о тех, кто эти сумки носит...

Есть вещи посеребренные.

— Возьмите взгляд на искусство! — убеждал меня молодой критик. — Разве это не современно? Мальчишки увлекаются абстракционизмом — и это может иным не нравиться. Но разве дело в абстракционизме? Соль в свободном от догматизма, широком взгляде на искусство! Молодые люди пусть с издержками, но вырабатывают свой собственный вкус, не навязанный им административно...

«Свободный взгляд», «собственный вкус»... Не только защитники, но и самые суровые критики романа всерьез поверили Аксенову, что у его «мальчиков» есть собственный вкус или какой-то свой взгляд на искусство. В. Котов и И. Шевцов в газете «Литература и жизнь» громят аксеновских герояев за их «левые» козни по части пропаганды абстракционизма и заключают зловеще: «Эти мальчики не так уж безобидны, как их рисует Аксенов».

Но кто они, эти выразители?

Мальчики из сценария Розова «одет вполне эле-

хлорвиниловые сумки: гантно, и на него смотрят редкие прохожие, даже высываются из окон любопытные». В «Звездном билете» «внимание стационарных служащих, местных жителей и железнодорожной милиции было привлечено весьма экстравагантной группой молодых людей». Не правда ли, «шик-модерн»? И танцуют молодые люди, или, как они сами говорят, «кидают танчики», именно так, как танцуют на московских «танцилацах» в начале шестидесятых годов. И говорят именно на том жаргоне, который бытует в наши дни. Гимназисты в «Как закалялась сталь» и Яков Узелков в нилинской «Жестокости» пользовались совсем другими словечками. И вот он, как выразился один молодой критик, «обобщенный в одной детали образ времени»: Димка «выходит из булочной с батоном в хлорвиниловой сумке».

Модерн, во всем модерн! И не во имя ли этого «модерна» В. Аксенов

нинград и обошел все музеи... И в Москве, в дни экзаменов, он первым заходил к экзаменаторам, сдавал и бежал не в парк, не в кино, а в Третьяковку и пропадал там часами.

Так вот, когда кончились экзамены и мы с Митькой сидели в скверике, ожидая результатов, к нам подошли юноши из Митькиного «потока», в меру клетчатые, в меру узкоштанные, в меру лохматые, а один, ну просто-таки Алик из «Звездного билета» — бледный бородач в темных очках. Заговорили о футболе, о французской выставке, кто-то зацепил живопись, и бородач спросил Митьку:

— Что молчишь, старик? Тебе кто из художников нравится?

— Левитан, — серьезно ответил Митька.

— Левитан? — бородач подмигнул дружкам. — А может, и Шишкин?

— И Шишкин! — уже с вызовом подтвердил Митька.

— Ах, что за прелест! — обрадовался бородач. — Значит, Шишкин? Мишки на лесозаготовках? Ай эм сорри, сэр, а Кунка вам нравится?

Он выпалил это и торжествующе уставился в Митьку: что, дескать, сели в калошу, сэр? Но Митька только нахмурился:

— Кунка — не художник!

— Ма-альчики! — в полном восторге закричал бородач. — Это же грандозно, мальчики! Кунка — не художник. А кто же он? Аптекарь?

— Кунка — шарлатан! — только склегка порозовев, твердо возразил Митька.

Потом, когда мы, отбросив «сэров», заговорили о живописи, Митька с наслаждением атаковал бородача. И выяснилось, что он, бородач, о Кунке «много слышал», но работы его видел лишь мельком в журнале «Польша» и не может объяснить, чем они ему нравятся. Что же до Левитана и Шишкина, то о первом он твердо знает, что он художник, а не аптекарь, и был влюблен в «Попрыгунью», а второго в самом деле знает по ресторанным «Мишкам».

Нет, напрасно критики из «Литературы и жизни» громят аксеновских ребят за какие-то «левые» взгляды, а молодой критик замечает в этих парнях способность свободно мыслить об искусстве, не подчиняясь догмам. Не надо так: в смысле понимания искусства эти ребята никакие не «левые», они просто невежды, и абстракционизм для них — та же хлорвиниловая сумка... Алик сознается в конце романа...

на, что не может «отличить Рубенса от Рембрандта», «назубок» знает Бэлля, но из Тургенева «читал только «Певцы» в крестоматии», а «Анну Каренину» я не читал»...

Какие уж тут взгляды! Какие вкусы...

Но тогда — что же, что современно-го в этих ребятах?

В. Аксенов писал в «Литературной газете»:

«Цель у нашей молодой литературы (то есть литературы о молодежи) правильная — поиски героя, советского молодого человека 60-х годов, молодого человека, который изменяет лицо земли и изменяется сам.

За ним трудно угнаться — он быстроног. С ним нужно уметь разговаривать — он насмешлив. С ним интересно разговаривать — он умен. С ним радостно общаться — он оптимист.

Это очень трудный орешек для литераторов, потому что это человек сложный и путь его не всегда напоминает бетонную автостраду. Да, наш герой должен быть сложным».

И в «Звездном билете», и в сценарии В. Розова, и в повести «Мишка, Серега и я», и в подобных им сочинениях герой почти точно сконструированы по этой программе: и быстроног (о, как еще быстроног Володя Федоров!), и насмешливы, и сложны (если понимать под сложностью невероятный сумбур в головах), и за исключением Володи Федорова в общем-то оптимисты. И все-таки...

Все-таки я глубоко убежден, что, имея все качества, которые, по мнению В. Аксенова, определяют «советского молодого человека 60-х годов», эти герои, даже если оставить им хлорвиниловые сумки, не современны по самому главному счету! Они старомодны! Все из вчерашнего дня...

По этому главному счету для меня куда современней, например, Василий Петруничев, селькор, выступающий под псевдонимом «Правдоха», из рассказа А. Глебова, напечатанного в майской книжке журнала «Новый мир». Хотя семнадцать лет Правдоха исполнилось в 1924 году...

Он вот каков, Правдоха. «Мается» без лошади и коровы. И

Воюющие и «щущущие» читает о Шопенгауэре. И не только о нем. Читает по программе, составленной погибшей учительницей. И беззаботно — на

всю жизнь — любит эту учительницу, хотя знает, что она не приняла его любовь. И живет интересами огромного мира, просторшегося за околицей глухой деревушки. И воюет. Один воюет, в деревне, где нет комсомола, где сельсоветчики — сволочи, где волостной председатель — мерзавец. Воюет и с кулаками, и с казнокрадами, и с самогонщиками. И по-одному побеждает их... А ему мстят: прозовали стоять конем, поджигали, пакостили, грозя на каждом шагу...

Рассказ не перескажешь, хотя надо бы это сделать: критика, три месяца шумевшую о «Звездном билете», не подарила «Правдохе» ни строчки.

Если бы я не читал «Правдоху» одновременно со «Звездным билетом», если бы не перечитывал его одновременно со сценарием В. Розова, — может, мне и не открылась бы эта пропасть...

Но я читал именно так, и она открылась, пропасть, отделяющая Правдоху от его одногодков, литературных «мальчиков». И вместе с тем показалась мостик, накрепко соединивший Правдоху с настоящими нашими современниками, с той самой «правильной» молодежью, которая такой серой и примитивной выглядит у Аксенова и Розова.

Какие-то они, понимаешь, очень на нас похожие, — говорил об этой, так называемой «правильной» молодежи Владимир Макарович Савчинский, директор алтайского целинного совхоза, который несколько лет работал с сестней вчерашних десятиклассников и уже познал их, что называется, в совершенстве. — Очень похожи! Хотя не-ет, по-точнее! Покультурней, черт их дери! Образование, что ли, не-то? Или горизонты? Но в чем-то очень большом... Что тут сказывается? То, что это послевоенная молодежь? То, что она мажает в годы, когда мы покончили с культом личности? Но, понимаешь, эта молодежь в чем-то главном очень близка именно нам, комсомольцам двадцатых годов. Очень смела. Ясная. Государственная какая-то... У вас там толкуют о «стилях», о «плесени», но я этого, по правде скажу, не видел. Не знаю этих ребят. Не по ним сужу, хотя могу сказать, что в двадцатых годах этой плесени было, наверное, в тысячу раз побольше и мы этого не пугались.

(Окончание на 4-й стр.)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 136 16 ноября 1961 г. 3

(Окончание. Начало на 2-3-й стр.)

Мерилы молодежь по себе и верили в нее... А эти ребята, они вот какие... Да ты Женю Рябова знаешь? Вот-вот, пастуха. Хара-актерец! Ему по всем его школьным отметкам нужно в университет, а он — в колхоз! Ему у нас по его способностям в трактористы, а он — в пастуха! А как он меня учил! Представь такую ситуацию. Весна. Снега тают, вода обступила ферму, коровы, как на острове. А тут наш управляющий прошляпил, не подвез кормов. И я замоталася с посевом, упустил из виду ферму. Но там-то комсомольцы! Десятиклассники! Грамотный народ! Собрались, обсудили. И вот тебе этот Женя седлает лошаденку — и в район. А речки разыгрались, дорога трудная. Еле добрался хлопец! И прямо к первому секретарю. А в тот день как раз пленум райкома... Ну, и причастили нас по первому разряду: и меня, и зоотехника, и секретаря партбюро. Думашь, приятно было? Эге... А когда узнал я, что это Женя нам устроил баню, и совестно стало, но, поверишь, и хорошо на душе. Вот он какой у нас, пастух! Политик! Не постеснялся ни чинов наших, ни рангов...

У нас много говорят и пишут о трудовом героизме молодежи. Приводят цифры: столько-то и столько-то молодых людей осваивает целину, работает на новостройках Сибири, состоит в бригадах коммунистического труда. Все это правильно. Зато куда меньше говорят о гражданских качествах молодых людей нашего времени, о их раннем идейном повзрослении, о их непримиримости к злу, о чистоте их помыслов и твердости убеждений. Тем мне и понравился Владимир Макарович, что подметил в Жене Рябове и его друзьях именно это. И, видимо, верно, что он связал проявление этих качеств с эпохой, с тем, что в стране после устранения культа личности изменилась обстановка, — а это, конечно, повлияло на молодежь!

Правда, судя по Аксенову и Розову, эту перемену ощутили острее всего именно их «неустроенные» мальчики. В отличие от «правильной» молодежи, которая якобы бездумно голосует за готовые лозунги и не осмеливается размышлять о чемнибудь более широком, чем цеховые интересы, — они, «маль-

чики, натуры тонкие, чуткие, интеллектуальные, лишенные предрассудков» — свободно судят и о политике, и об отношениях людей, и о смысле жизни, и даже о судьбах человечества. Володя Федоров, — ах, как же это смело! — считает, что «человечество так скверно себя ведет, что его, может быть, и стоит немножко покарать». Но, господи, какая же это хлорвиниловая сумка! Какой детский сад!

Я вспоминаю кубанскую доярку, девятнадцатилетнюю Тоню, которая, не фронтсервую, не брюжжа, но удивительно чутко уловила и глубоко поняла, что именно внесено в жизнь страны Двадцатым съездом партии. Она, эта девушка из океана «правильной» молодежи, подняла войну против шайки матерых очковитателей и одолела их. Припомните все этапы этой войны: и Тонино выступление на собрании, и бой в райкоме, и поездку в крайком, — и вину, какой же идейно зрелой дочерью своей эпохи показала себя эта девушка! И рядом с этой подлинной смелостью какими же детяльными кажутся и мелкие страстиши, и ерничество, и фронтсервство «быстрононгих» розовских и аксеновских ребят, и их дешевенькое острословие, которое выдается за остроумие, и их зубоскальство, которое преподносится как свободомыслие.

И тут мы подходим к тому главному, что отличает Правдоху и его наследников от юношей с хлорвиниловыми сумками, которых нам рекомендуют как вполне современных героев.

Об этом «что» ясно и «в лоб» сказал в одной из лучших за последние годы книг о молодежи, в «Жестокости» Павла Нилина, ее герой Венька Малышев:

— Нас все касается. И мы за все отвечаем, кто бы что ни делал.

Мы отвечаем! Именно это рано осознанное «мы отвечаем» на сто голов возвышает Правдох и над литературными героями прошлого, и над «римарковскими парнями», и над Холденом Колфилдом, и... к сожалению, над героями В. Аксенова и В. Розова.

Тем они и мелки, тем и несовременны эти герои, что не выражают главной черты, определяющей характер советского парня, советской девушки, черты, о которой, может, из нелюбви

к «зубчным истинам» забыл сказать в своей статье В. Аксенов.

Но как же обойдешь ее, эту истину, если, не пользуясь ею, не поймешь поступков героев литературы?

Не поймешь, почему Правдоха и его наследники без раздумий и колебаний вступают в бой с каждым конкретным проявлением зла, а розовский Володя и видит зло, противное его честной натуре, и брюзжит по этому поводу, и фронтсервует, но ему и в голову не приходит, что зло это надо искоренять и его собственными, Володиными, руками.

Правдохи отвечают за все, и поэтому война со злом для них столь же естественна, как дыхание, а Володя не отвечает ни за что, кроме собственно го «устройства», и поэтому он, несмотря на все разговоры о судьбах человечества, куда ближе к Холдену Колфилду, чем к настоящему цвету советской молодежи.

— Но позвольте, — слышу я голос молодого критика. — Что за неправомерные претензии? У В. Аксенова и В. Розова герои-то ищущие и еще не нашедшие себя...

Ох, эти «ищущие себя»! В жизни они были всегда в достаточном количестве. Но всегда главным пафосом нашей литературы о молодежи была борьба молодого человека за лучшую жизнь народа. И раскрывался-то он в этой борьбе, и «искал себя», и отыскивал. Почему же в повестях последних лет и особенно в повестях, напечатанных «Юностью», на первый план выступают только поиски «своего места», этакое «себяустройство»? И уже появлялись статьи, которые видят в этом — в подмене героя воюющего героем только ищущим — знамение времени, и уже до предела расширен диапазон «ищущих»: «ищут», а не воюют не только десятиклассники, а и молодые мужчины в том возрасте, в котором Шорс командовал дивизией...

Герои повестей этих как бы говорят нам, читателям: «Вы погодите, вот мы найдем свое место в жизни, перемучаемся, а уж тогда...» А авторы? Они чаще всего соглашаются с героями, прощают им и эгоизм, и инертность, и гражданскую безответственность, и не-противление злу...

Погор, что не связался с ним и не западил руки, но ему, семнадцатилетнему гражданину страны, строящей коммунизм, и в голову не приходит, что фрамы — страшная язва на теле общества и его, Димкина, гражданской обязанности — выжигать эту язву. Правдоха или Женя Рябов, они бы в два счета вывели шайку Фрама на чистую воду, а Димка, что называется, «и ухом не ведет», и писатель не только не осуждает Димку, а убеждает нас, что он хороший парень. Пошлияк, мерзавец поднимает руку на девушку, подругу аксеновских ребят, за которую они отвечают перед родителями. Что же происходит? Алик и Юрка опять-таки «и ухом не ведут», хотя любые парни, если они настоящие парни, костыми легли бы, а защитили девушку, связали бы ее, черт возьми, а не отдали в руки мерзавца. Что ж писатель? Осуждает он «рыцарей»? Нет, утверждает: хорошие ребята...

Откуда же это писательское непротивление непротивлению? От жизни?

В жизни мы сталкиваемся и с пассивностью, и с непротивлением, и даже с пацифизмом какой-то части молодежи. Сказываются недостатки идеяного и гражданского воспитания. Вдруг узнаем, что молодой мужчина, которого пять лет учили в институте и выпускают хорошим специалистом, оказывается никудышнейшим гражданином: не хочет ехать туда, куда его посыпают. Узнаем, что «за соучастие» судят девушку-продавщицу, которая видела, как орудует хапуга-завмаг, но молчала. Узнаем, что свинярка, которой приписали мясо, «выращенное» ее подружками, как должное принимала незаслуженные почести... Так, значит, и писатели, показывая непротивленцев, верно отражают какие-то явления жизни?

Отражают... Вот именно, отражают, а не воюют с этими явлениями, пишут о них без гнева. И когда в сценарии Розова Володя, сам до конца не понимая, что это значит, говорит о неизбежности войны и невозможности бороться с ее опасностью, то ведь драматург ни метким словом, ни интонацией, ничем решительно не заставляет ни героя, ни молодого читателя оцепенеть от ужаса перед тем, что вошло в беспутную Володину голову. И прикидывая, какое же

будем говорить честно: в литературных кругах о романе В. Аксенова и сценарии В. Розова говорят по-разному.

Слыши, явственно слышу голос молодого критика:

— Разве Аксенов и Розов могут отвечать за всю литературу? Да, у нас мало хороших книг о молодых целинниках, о героях новостроек, о современных Корчагинах и Правдохах, но можно ли ответственность за это возлагать на двух или даже на пятерых писателей? Да, они выбрали в героях небольшую и не самую передовую группу молодежи, но ведь она же реально существует?

С этим можно согласиться. Хотя, ей-богу же, по-человечески жаль, что сегодня о «заливчиках» пишут и впрямь куда больше и куда талантливее, чем об «океане».

Но не за это же мы упрекаем В. Аксенова и В. Розова. Пусть заинтересовала их такая молодежь... Пусть обеспокоила именно ее судьба. Но не выдавайте же своих «мальчиков» за самых выдающихся и самых современных представителей советской молодежи, за настоящие «сливки» общества. Не выдавайте их над окружающими и не приижайте во имя этого возвышения других молодых людей. Тех честных производственников, которые ищут, воюя, и строят, не фронтсервую. Не выдавайте непротивлению своих мальчиков, их инертность, их непонимание гражданских обязанностей за некий дух времени...

Очень высоко подняла воспитательную роль литературы новая Программа партии. Очень многое ждет народ от литературы. И когда смещаются пропорции, когда копеечный «модерн» выдается за современность, а пустые и жалкие мальчики возводятся в ранг самой интересной и блестательной части нашей молодежи, — как же тут не взволноваться, не встревожиться, не вступить в драку? Надо вступать!

Главный редактор В. А. КОСОЛАПОВ.

Редакционная коллегия: Ю. Я. БАРАБАШ (зам. главного редактора), В. Н. БОЛХОВИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, Ф. Ф. КУЗНЕЦОВ, Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).

ПАМЯТИ

Василия Каменского

Скончался Василий Каменский. Русо-кудрый, светлоглазый сын Урала, певец былинных богатырей и сам богатырь, задорный по нраву, но добрый и чуткий к людям, — таким вижу я своего родесника по эпохе и соседа по творчеству — Василия Васильевича Каменского.

Большая, раздольная песня жизни кипела в нем. Широкорылая была у него натура. И путь его был необычен. И родился он не в наземном доме, а на камском пароходе. От Ледовитого океана до Ирана и Турции, не говоря о Европе, оправдал он земные просторы. Но их было мало. Знаки Зодиака сияли на обложках его стихов. Но Василий Каменский вмечтал посмотреть на них в небе и стал одним из первых наших летчиков. Как Икар с острова Крита, поднялся он с Варшавского аэродрома и упал, как Икар, но остался жив.

Своей книгой «Звучаль весеняники» он отчтливо обозначил свое место в рядах тогдашней молодой советской поэзии как поэта-новатора. Он вырвался из пленов побрякушек и выкрутил футуристической поэзии. Любовь к Родине, с молоком матери воспринятое чувство народного русского языка во всем богатстве его оттенков и интонаций помогли ему найти свою тему в кругу былинных и исторических образов русской жизни.

Но он не стал поэтом-пассеистом: в прошлом его увлекали образы искателей правды, борцов за народное счастье, а не само прошлое. Излюбленные поэтами тех лет образы Степана Разина, Емельяна Пугачева, Ивана Болотникова оживают в его стихах. Поэма о Емельяне Пугачеве послужила основой либретто оперы Мариана Ковала.

Василий Каменский останется в нашей памяти как кровный сын народа и его певец.

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ

ПРАВДОХА И «МОДЕРН»

(Окончание. Начало на 2-3-й стр.)

Мерили молодежь по себе и верили в нее... А эти ребята, они вот какие... Да ты Женю Рябова знаешь? Вот-вот, пастуха. Хара-актерец! Ему по всем его школьным отметкам нужно в университет, а он — в колхоз! Ему у нас по его способностям в трактористы, а он — в пастухи! А как он меня учил! Представь такую ситуацию. Весна. Снега тают, вода обступила ферму, коровы, как на острове. А тут наш управляющий прошляпил, не подвез кормов. И я замотался с посевом, упнулся из виду ферму. Но там-то комсомольцы! Десятиклассники! Грамотный народ! Собрались, обсудили. И вот тебе этот Женя седает лошаденку — и в район. А речки разыгрались, дорога трудная. Еле добрался хлопец! И прямо к первому секретарю. А в тот день как раз пленум райкома... Ну, и причастили нас по первому разряду: и меня, и зоотехника, и секретаря партбюро. Думаешь, приятно было? Эге... А когда узнал я, что это Женя нам устроил баню, и собственно стало, но, поверишь, и хорошо на душе. Вот он какой у нас, пастух! Политик! Не постеснялся ни чинов наших, ни рангов...

У нас много говорят и пишут о тру-
довом героизме молодежи. Приводят
цифры: столько-то и столько-то моло-
дых людей осваивает целину, работает
на новостройках Сибири, состоит в
бригадах коммунистического труда. Все
это правильно. Зато куда меньше
говорят о гражданских качествах моло-
дых людей нашего времени, о их раннем
идейном повзрослении, о их непримиримости к злу, о чистоте
их помыслов и твердости убежде-
ний. Тем мне и понравился Владимир
Макарович, что подметил в Жене
Рябове и его друзьях именно это.
И, видимо, верно, что он связал прояв-
ление этих качеств с эпохой, с тем, что
в стране после устранения культа лич-
ности изменилась обстановка, — а это,
конечно, повлияло на молодежь!

Правда, судя по Аксенову и Розову,
эту перемену ощутили острее всего
именно их «неустроенные» мальчики.
В отличие от «правильной» молодежи,
которая якобы бездумно голосует за
готовые лозунги и не осмеливается раз-
мышлять о чем нибудь более широком,
чем цеховые интересы, — они, «маль-
чики, натуры тонкие, чуткие, интеллек-
туальные, лишенные предрассудков» —
свободно судят и о политике, и об
отношениях людей, и о смысле жизни,
и даже о судьбах человечества. Воло-
дя Федоров, — ах, как же это смело!
— считает, что «человечество так
скверно себя ведет, что его, может
быть, и стоит немножко покарать». Но,
господи, какая же это хлорвиниловая
сумка! Какой детский сад!

Я вспоминаю кубанскую доярку, де-
сятилетнюю Тоню, которая, не
фрондерствующа, не брюжжа, но удиви-
тельно чутко уловила и глубоко поня-
ла, что именно внесено в жизнь страны
Двадцатым съездом партии. Она, эта
девушка из океана «правильной» моло-
дежи, подняла войну против шайки
матерых очковитарей и одолела их.
Припоминаю все этапы этой войны: и
Тонино выступление на собрании, и бой
в райкоме, и поездку в крайком, — и
вижу, какой же идейно зрелой дочерью
своей эпохи показала себя эта девушка!
И рядом с этой подлинной смелостью
какими же детяльными кажутся и
мелкие страсти, и ерничество, и
фрондерство «быстрононогих» розовских
и аксеновских ребят, и их дешевенькое
острословие, которое выдается за остро-
умие, и их зубоскальство, которое пре-
подносится как свободомыслие.

И тут мы подходим к тому главному,
что отличает Правдоху и его наследни-
ков от юношей с хлорвиниловыми сум-
ками, которых нам рекомендуют как
вполне современных героев.

Об этом «что» ясно и «в лоб»
сказал в одной из лучших за
последние годы книг о молодежи, в «Жестокости» Павла
Нилина, ее герой Веняка Малышев:

— Нас все касается. И мы за все
отвечаем, кто бы что ни делал.

Мы отвечаем! Именно это рано осо-
зданное «мы отвечаем» на сто голов
возвышает Правдох и над литературными
героями прошлого, и над «ре-
марковскими парнями», и над Холде-
ном Колфилдом, и... к сожалению, над
героями В. Аксенова и В. Розова.

Тем они и мелки, тем и несовремен-
ны эти герои, что не выражают глав-
ной черты, определяющей характер
советского парня, советской девушки,
черты, о которой, может, из нелюбви

к «азбучным истинам» забыл сказать в
своей статье В. Аксенов.

Но как же обойдешь ее, эту истину,
если, не пользуясь ею, не пой-
мешь поступков героев литературы?

Не поймешь, почему Правдох и его
наследники без раздумий и колебаний
вступают в бой с каждым конкретным
проявлением зла, а розовский Володя
и видит зло, противное его честной на-
туре, и брюжит по этому поводу, и
фрондерствует, но ему в голову не
приходит, что зло это надо искоренять
и его собственными, Володиными, ру-
ками.

Правдохи отвечают за все, и поэто-
му война со злом для них столь же
естественна, как дыхание, а Володя не
отвечает ни за что, кроме собственно-
го «устройства», и поэтому он, несмот-
ря на все разговоры о судьбах челове-
чества, куда ближе к Холдену Кол-
филду, чем к настоящему цвету совет-
ской молодежи.

— Но позвольте, — слышу я голос
молодого критика. — Что за неправо-
мерные претензии? У В. Аксенова и
В. Розова герои-то ищущие и еще не
нашедшие себя...

Ох, эти «ищущие себя»! В жизни
они были всегда в достаточном коли-
честве. Но всегда главным пафосом
нашей литературы о молодежи была
борьба молодого человека за лучшую
жизнь народа. И раскрывался-то он в
этой борьбе, и «искнал себя», и отыски-
вал. Почему же в повестях последних
лет и особенно в повестях, напечатан-
ных «Юностью», на первый план вы-
ступают только поиски «своего места»,
этакое «себестройство»? И уже появи-
лись статьи, которые видят в этом —
в подмене героя воюющего героем
только ищущим — знамение времени,
и уже до предела расширен диапазон
«ищущих»: «ищут», а не воюют не
только десятиклассники, а и молодые
мужчины в том возрасте, в котором
Щорс командовал дивизией...

Герои повестей этих как бы говорят
нам, читателям: «Вы погодите, вот мы
найдем свое место в жизни, перему-
чаемся, а уж тогда...» А авторы? Они
чаще всего соглашаются с героями,
прощают им и эгоизм, и инертность, и
гражданскую безответственность, и не-
противление злу...

Непротивление злу — вот что осо-
бенно настораживает в молодых героях
с современных книг. Я уже говорил
о розовском Володе. А аксеновские
мальчики? Димка встречается с жули-
ком и фарцовщиком Фрамом и страшно
рад, что не связался с ним и не запач-
кал рук, но ему, семнадцатилетнему
гражданину страны, строящей ком-
мунизм, и в голову не приходит, что
фрамы — страшная язва на теле обще-
ства и его, Димкина, гражданская обя-
занность — выжигать эту язву. Правдо-
ха или Женя Рябов, они бы в два счета
вывили шайку Фрама на чистую воду,
а Димка, что называется, «и ухом не
ведет», и писатель не только не осуж-
дает Димку, а убеждает нас, что он
хороший парень. Пошляк, мерзавец
поднимает руку на девушку, подругу
аксеновских ребят, за которую они от-
вечают перед родителями. Что же про-
исходит? Алик и Юрка опять-таки «и
ухом не ведут», хотя любые парни,
если они настоящие парни, костьми
легли бы, а защитили девушку, связа-
ли бы ее, черт возьми, а не отдали в
руки мерзавца. Что ж писатель? Осуж-
дает он «рыцарей»? Нет, утверждает:
хорошие ребята...

Откуда же это писательское непро-
тивление непротивлению? От жизни?

В жизни мы сталкиваемся и с
пассивностью, и с непротивлением,
и даже с пацифизмом какой-то части
молодежи. Сказываются недостатки
идейного и гражданско-воспитания.
Вдруг узнаем, что молодой мужчина,
которого пять лет учили в институте и
выпускают хорошим специалистом,
оказывается никудышнейшим гражда-
нином: не хочет ехать туда, куда его
посылают. Узнаем, что «за соучастие»
судят девушку-продавщицу, которая
видела, как орудует хапуга-завмаг, но
молчала. Узнаем, что свинара, кото-
рой приписали мясо, «выращенное» ее
подружками, как должное принимала
незаслуженные почести... Так, значит,
и писатели, показывая непротивленцев,
верно отражают какие-то явления
жизни?

Отражают... Вот именно, отражают,
а не воюют с этими явлениями, пишут
о них без гнева. И когда в сценарии
Розова Володя, сам до конца не пони-
мая, что это значит, говорит о неизбеж-
ности войны и невозможности бороться
с ее опасностью, то ведь драматург ни
метким словом, ни интонацией, ничем
решительно не заставляет ни героя, ни
молодого читателя оцепенеть от ужаса
перед тем, что вошло в беспутную Во-
лодину голову. И прикидывая, какое же

множество молодых бойцов вывели в
жизнь наступательные розовские пье-
сы, нельзя не подумать с горечью: а
сколько же юноши может разоружить
его сценарий!

**

Будем говорить честно: в литератур-
ных кругах о романе В. Аксенова и сце-
нарии В. Розова говорят по-разному.

Слыши, явственно слышу голос моло-
дого критика:

— Разве Аксенов и Розов могут
отвечать за всю литературу? Да, у нас
мало хороших книг о молодых целин-
никах, о героях новостроек, о современ-
ных Корчагинах и Правдохах, но мож-
но ли ответственность за это возлагать
на двух или даже на пятерых писате-
лей? Да, они выбрали в герои неболь-
шую и не самую передовую группу моло-
дежи, но ведь она же реально суще-
ствует! Можно ли проходить мимо нее?

С этим можно согласиться. Хотя, ей-
богу же, по-человечески жаль, что се-
годня о «заливчиках» пишут и впрямь
куда больше и куда талантливее, чем
об «океане».

Но не за это же мы упрекаем В. Ак-
сеннова и В. Розова. Пусть заинтересо-
вала их такая молодежь... Пусть обес-
покоила именно ее судьба. Но не вы-
давайте же своих «мальчиков» за са-
мых выдающихся и самых современных
представителей советской молодежи, за
настоящие «сливки» общества. Не воз-
вышайте их над окружающими и не
принижайте во имя этого возвышения
других молодых людей. Тех честных
производственников, которые ищут,
войю, и строят, не фрондерствуют. Не
выдавайте непротивлением своих
мальчиков, их инертность, их непони-
мание гражданских обязанностей за
некий дух времени...

Очень высоко подняла воспитатель-
ную роль литературы новая Программа
партии. Очень многое ждет народ от
литературы. И когда смешаются про-
порции, когда копеечный «модерн» вы-
дается за современность, а пустые и
жалкие мальчики возводятся в ранг
самой интересной и блистательной час-
ти нашей молодежи, — как же тут не
взволноваться, не встремиться, не
вступить в драку? Надо вступать!

тересны настолько, что закрадывается мысль: а интересны ли они были самим творцам?

Если художник уверен, что говорит о важном и нужном, в рассказе его появляется и неожиданность, и точность, и неповто-

риво издастельство «Советский писатель» и Государственное издастельство Белоруссии выпустили сборники стихов В. Дубовки «Золотая ранница» на русском и «Полесская рапсодия» — на белорусском языках. В них представлены главным образом произведения, созданные поэтом в последние годы.

чики? Они же вкусно написаны! Замечаяшь тут и предметнейшее знание жизни, и достоверность, и авторскую симпатию. А как написано окружение? Что такое розовский завод? Это же чисто литературный завод, завод вообще, который создан с той крайней приближительностью, которая никогда не дарила художественных открытий. А аксеноуский сейнер? И это же чисто литературный сейнер! Ни в описании заводских людей, ни в описании рыбаков мы не обнаруживаем ни малейшего знания жизни и, будем говорить прямо, не обнаруживаем и симпатии авторов к этим людям. И сколь бы ни были хороши замыслы Розова и Аксенова, но — так уж бывает в искусстве: есть любовь, есть симпатия, и мальчишки вышли и полнокровными, и яркими, и обаятельными, а не хватает знаний, любви, симпатии — и «правильные» молодые люди вышли серыми, неинтересными, начисто лишенными обаяния. А в итоге? Искажена правда действительности! Ребята, которые в жизни — рядом с настоящими умными и интересными юношами и девушками — выглядят смешными и жалкими, в сценарии и в романе оказались самыми интересными и блестательными представителями современной молодежи, своего рода выразителями дум поколения...

Но кто они, эти выразители?

Володя из сценария Розова «одет вполне элегантно, и на него смотрят редкие прохожие, даже высовываются из окон любопытные». В «Звездном билете» «внимание стационарных служащих, местных жителей и железнодорожной милиции было привлечено весьма экстравагантной группой молодых людей». Не правда ли, «шик-модерн»? И танцуют молодые люди, или, как они сами говорят, «кидают танчики», именно так, как танцуют на московских

вызвез своих героев не на светлые пlesы Оки, а на курортный пляж, по-ближе к «современным» кафе, коктейлям, покеру, липси... Но, видно, и сами авторы понимают, что ни оперением, ни танцами, ни жаргоном не определяется современность героев. Каждая эпоха ходит со своими сумками, и это еще решительно ничего не говорит о тех, кто эти сумки носит...

Есть вещи посеребренные.

— Возьмите взгляд на искусство! — убеждал меня молодой критик. — Разве это не современно? Мальчишки увлекаются абстракционизмом — и это может иным не нравиться. Но разве дело в абстракционизме? Соль в свободном от догматизма, широком взгляде на искусство! Молодые люди пусть с издергками, но вырабатывают свой собственный вкус, не навязанный им административно...

«Свободный взгляд», «собственный вкус»... Не только защитники, но и самые суровые критики романа всерьез поверили Аксенову, что у его «мальчишек» есть собственный вкус или какой-то свой взгляд на искусство. В. Котов и И. Шевцов в газете «Литература и жизнь» громят аксеноуских героев за их «левые» козни по части пропаганды абстракционизма и заключают словами: «Эти мальчики не так уж безобидны, как их рисует Аксенов».

Какой типиз! Какое заблуждение!

...Этим летом Митяка, сын моего старого приятеля, совхозного агронома, поступил в университет. Я влюблен в этого хлопца, несколько лет слежу за ним и убежден, что он по самому строгому счету тот самый герой, который просится в книжки. Правда, есть у Митки один изъян: что поделать, он пока еще намертво глух к литературе... Но тут больше повинен учитель словесности, пузатенький человечек, который, «проработав» с Миткой всю литературу, от Радищева до Твардовского, внушил парню стойкое и пока неистребимое отвращение к художественному слову...

Но живопись... Что тут сыграло роль: врожденное призвание или умный старый учитель рисования — но так или иначе живопись стала Миткиной страстью. Конечно, в совхозе не было картинной галереи, а в чайной висели только «Богатыри», но Митяка собирал репродукции из «Огонька», покупал монографии о художниках, а в прошлом и позапрошлом годах он все лето работал на комбайне, накопил денег, ездил в Москву, и Ле-

тузиазмом исполняла лирические и комедийные, характерные и высокодраматические роли. Александра Трудно представить более Александровна играла в беззатетную преданность

ним отношением к своей профессии.

Евдокия
ТУРЧАНИНОВА,
народная артистка СССР

ление моя между народами» плену бюллограммы, принятой съездом коммунистической партии, открылось во всей своей красоте наше будущее — совсем близкое, то, в котором будет жить нынешнее поколение советских людей.

всю жизнь — любит эту учительницу, хотя знает, что она не приняла его любовь. И живет интересами огромного мира, простирающегося за оконцем глухой деревушки. И воюет. Один воюет, в деревне, где нет комсомола, где сельсоветчики — волочи, где волостной председатель — мерзавец. Воюет и с кулаками, и с казнокрадами, и с самогонщиками, и с насильниками. И по-одному побеждает их... А ему мстят: пробовали стоптать конем, поджигали, пакостили, грозят на каждом шагу...

Какие уж тут взгляды! Какие вкусы...

Но тогда — что же, что современно в этих ребятах?

В. Аксенов писал в «Литературной газете»:

«Цель у нашей молодой литературы (то есть литературы о молодежи) правильная — поиски героя, советского молодого человека 60-х годов, молодого человека, который изменяет лицо земли и изменяется сам.

За ним трудно угнаться — он быстроног. С ним нужно уметь разговаривать — он насмешлив. С ним интересно разговаривать — он умен. С ним радостно общаться — он оптимист.

Это очень трудный орешек для литераторов, потому что это человек сложный и путь его не всегда напоминает бетонную автостраду. Да, наш герой должен быть сложным».

И в «Звездном билете», и в сценарии В. Розова, и в повести «Мишка, Серега и я», и в подобных им сочинениях герои почти точно сконструированы по этой программе: и быстроноги (о, как еще быстроног Володя Федоров!), и насмешливы, и сложны (если понимать под сложностью невероятный сумбур в головах), и за исключением Володи Федорова в общем-то оптимисты. И все-таки...

Все-таки я глубоко убежден, что, имея все качества, которые, по мнению В. Аксенова, определяют «советского молодого человека 60-х годов», эти герои, даже если оставить им хлорвиниловые сумки, не современны по самому главному счету! Они старомодны! Все из вчерашнего дня...

По этому главному счету для меня куда современней, например, Василий Петруничев, селькор, выступающий под псевдонимом «Правдоха», из рассказа А. Глебова, напечатанного в майской книжке журнала «Новый мир». Хотя семнадцать лет Правдоха исполнилось в 1924 году...

Он вот каков, Правдоха. «Мается» без лошади и коровы. И читает о Шопенгауэре.

Воюющие и ищущие

и не только о нем. Читает по программе, составленной погибшей учительницей. И беззатетно — на

(Окончание на 4-й стр.)